

УДК 929 (092)

В. И. Мусаев

РУССКАЯ ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ НА КАРЕЛЬСКОМ ПЕРЕШЕЙКЕ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В. И ФИНЛЯНДСКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

МУСАЕВ Вадим Ибрагимович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Международные отношения», Гуманитарный институт; Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.
195251, Политехническая ул., 29, Санкт-Петербург, Россия. e-mail: vmusaev62@mail.ru.

В статье речь идет о развитии Карельского перешейка, составлявшего часть автономного Великого княжества Финляндского, в конце XIX – начале XX в. в качестве зоны дачного и курортного отдыха для жителей С.-Петербурга и других частей Российской империи. Приобретение и аренда выходцами из России домов и участков на Перешейке, обслуживание отдыхающих приносили немалый доход финляндской казне и местным жителям. С другой стороны, приток выходцев из России вызывал недовольство части местной общественности, которая выступала против усиления русского культурного влияния в Финляндии.

РОССИЯ; ФИНЛЯНДИЯ; КАРЕЛЬСКИЙ ПЕРЕШЕЕК; ФИНЛЯНДСКАЯ АВТОНОМИЯ; ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ; ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ.

Со второй половины XIX в. летний отдых на природе, за пределами города, становился всё более популярным среди жителей столицы Российской империи других крупных российских мегаполисов. Всё в большем числе петербуржцы предпочитали выезжать на летний сезон из пыльного и шумного города и проводить свое свободное время в его пока еще не затронутых урбанизацией окрестностях, таких как Шувалово – Озерки, Лахта, Лисий Нос, Парголово и др. Со временем не меньшей популярностью стал пользоваться отдых в чуть более отдаленных

живописных местностях финской части Карельского перешейка. Не в последнюю очередь это было связано с тем, что ближайшие пригороды российской столицы во второй половине XIX в. были уже в значительной мере застроены дачами, цены на приобретение или аренду домов и участков были весьма высоки. На финляндской же стороне, границы соответствующие расценки были тогда значительно ниже. Финляндские государственные органы также были заинтересованы в притоке отдыхающих, который сулил казне немалую прибыль [1, S. 522–523].

Интерес россиян к Финляндии как к месту для отдыха начал расти после ввода в строй Сайменского канала. Однако наиболее существенным стимулом для притока русских дачников на Карельский перешеек было завершение в 1870 г. строительства связавшей российскую столицу с Великим княжеством железной дороги Петербург – Выборг – Риихимяки. Именно тогда началось освоение прилегающей к железной дороге и к побережью Финского залива территории как курортной зоны. Начало этому процессу положила продажа принадлежавшего Артиллерийскому управлению донационного имения Линтула. Часть имения оказалась, в конечном итоге, в собственности зарегистрированного во Франции акционерного общества “La Société anonyme des hauts fournaux, forges, mines, domaines et forêts de Raivola et Lintula” («Общество с ограниченной ответственностью доменных печей, горнов, шахт, полей и лесов Райволы и Линтулы»). Общество, в свою очередь начало продавать и сдавать в аренду земельные участки жителям Петербурга [1, S. 519–520]. Уже осенью 1874 г. выходившая в Петербурге на финском языке газета “Pietarin Lehti” писала, что поселок Терийоки на Карельском перешейке превратился в популярнейший курорт для жителей Петербурга [2].

Вскоре на Перешейке начался настоящий дачный бум. Территория, прилегающая к железной дороге, особенно ее прибрежная часть, т. н. Северная Ривьера, интенсивно застраивалась виллами и дачами петербургских жителей, дачные поселки росли как грибы после дождя. Активизации процесса приобретения дачных участков и дачного строительства в Финляндии способствовало высочайшее постановление от 16 февраля 1891 г., согласно которому российским подданным, кроме евреев, было дано право свободно приобретать в Великом княжестве недвижимые имущества и владеть ими [3, л. 41]. Тогда же, в начале 1890-х гг., в

Финляндии были введены некоторые правила, имевшие целью облегчить положение временного русского населения. В частности, рубль был принят в качестве платежного средства при уплате таможенных пошлин и налогов, для расчетов на станциях и почте, в других местах вводился льготный курс обмена валюты; от официальных лиц в курортных местностях стали требовать владения русским языком, неприятная необходимость уплачивать таможенную пошлину при ввозе на территорию Финляндии спиртных напитков была ликвидирована благодаря открытию в дачных районах торговых точек, где можно было обзавестись спиртным [4, s. 25–26].

Поначалу дачные поселения концентрировались в основном либо вблизи от железной дороги в волостях Кивеннапа (Кивинеб) и Уусикиркко (Новая Кирха), либо в окрестностях Выборга. При этом в Кивеннапа дачи располагались в основном по берегу Финского залива, в Уусикиркко же, где железная дорога проходила дальше от берега, немало дач находилось во внутренней части Перешейка, по берегам озер, которыми изобиловала территория волости. К концу XIX в. дачное строительство заметно распространилось вширь, охватив, в частности, приходы Эюряпяя и Ранта [5, s. 98]. Наиболее популярным до конца периода автономии оставался все же отдых на Северной Ривьере. Самым крупным русским курортом на побережье стал поселок Терийоки, в недавнем прошлом – небольшое рыбацкое поселение. Благодаря наплыву русских отдыхающих заметно разрослись также небольшие прежде деревни Куоккала, Тюрисевя, Ваммелсуу, появились и чисто русские дачные поселения, такие как Оллила или Келломаки. В 1901 г. в Выборгской губернии насчитывалось 1438 дачных участков, которыми владели «иностранцы» или «пришлые» ("vierasmaalaiset"), т. е. главным образом российские подданные. К 1908 же году, по данным губернского сельскохозяйственного комитета, в волостях Кивеннапа, Уусикиркко, Муолаа, Куолемаярви и Койвисто российским подданным принадлежало в общей сложности 4730 дач (в том числе 3643 в Кивеннапа, 778 в Уусикиркко и 271 в Муолаа), 230 дачных участков и 333 надела без построек. Больше всего дач – около 1400 – насчитывалось в поселке Терийоки, относившемся тогда к волости Кивеннапа (в 1913 г. поселок и его окрестности были выделены в отдельную волость) [1. S. 527]. В той же волости находились и другие крупнейшие дачные поселки: в Куоккала на тот же момент имелось 762 дач, в Райвола – 757, в

Келломяки – около 500, в Оллила – около 440, в Тюрисевя – около 200 [6, s. 162]. По данным, сообщенным в 1909 г. Выборгским губернским правлением, по губернии числилось 2273 владельца недвижимости, не принадлежавшие к числу финляндских граждан [3, л. 42].

В отдельные периоды, впрочем, в дачной жизни на Перешейке наблюдались кризисные явления. В частности, в 1908–1909 гг. в прессе отмечалось снижение спроса на дачи в курортной зоне Карельского перешейка. Отчасти это было связано с повышением тарифа на пассажирские перевозки. «Финляндская газета» в мае 1909 г. писала, что в текущем году дачи вдоль Финляндской железной дороги заселялись крайне неохотно. «В ближайших от финляндской границы местах – Оллила, Куоккала, Келломяки, Терийоки – есть еще целые улицы, из которых не сдано ни одной дачи. Домовладельцы переживают небывалый кризис. <...> Гостиница “Ривьера” (в Терийоки – В. М.), обставленная по европейскому образцу, в нынешнем году не функционирует» [7]. Кризис, видимо, в дальнейшем был преодолен, и вплоть до начала мировой войны в развитии дачных поселений наблюдалась положительная динамика. В 1913 г. численность наделов на территории Выборгской губернии, принадлежавших российским поданным, достигла цифры 775 (в том числе 367 в Уусикиркко, 134 в Кивеннапа и Терийоки, 74 в Куолемаярви). 6229 небольших участков сдавались россиянам в аренду (в том числе 3649 в Кивеннапа и Терийоки, 1725 в Уусикиркко, 531 в Муолаа, 250 в Куолемаярви). Общая площадь всех этих наделов и участков составляла почти 54 000 га. В Уусикиркко наделы, принадлежавшие «пришлым», составляли 35,6 % всей земельной собственности, в Кивеннапа и Терийоки – 16,2 % [8, s. 128].

Появление русских дачников в деревнях и поселках Выборгской губернии, безусловно, наложило отпечаток на внешний облик и на жизнь этих мест. Русская речь на улицах звучала все чаще, на стенах домов, улицах и железнодорожных станциях в Терийоки, Куоккала, Келломяки и других поселках появились вывески и указатели на русском языке, для отдыхающих устраивались концерты и вечера, на которых выступали русские артисты, певцы, иногда довольно известные. Александр Блок и его супруга Любовь Дмитриевна летом 1912 г. организовали в Терийоки театральную труппу, в которую в качестве режиссера были приглашен молодой В.Э. Мейерхольд. Для представлений был арендован летний

павильон отеля «Казино», которым владел шведский подданный В. Юнкер. Хотя труппа имела экспериментальный характер и большого притока зрителей ожидать не приходилось, билеты на её представления продавались очень неплохо. В репертуар труппы входили, в частности, пьесы А. Стриндберга, О. Уайлда, М. Сервантеса, несколько пантомим. В частности, 12 июля 1912 г. состоялось представление в память А. Стриндберга, умершего двумя месяцами ранее. Была поставлена его пьеса «Brott och brott» («Преступление и преступление»), озаглавленная в русском варианте «Виновны, невиновны»). В качестве почетных гостей были приглашены дочь драматурга Карин и зять Владимир Смирнов. [4, с. 33]. В некоторых поселках приезжие в сезон отдыха составляли большинство населения. В лексических формах южно-карельского диалекта стало появляться все больше заимствований из русского языка [9, с. 177]. Владельцы дач привозили с собой и русскую прислугу, которая подчас проживала там круглый год. Помимо дач, на перешейке строились санатории и пансионаты. В 1891 г. недалеко от Терийоки доктором Дитманом был открыт санаторий «Халила», который существовал при поддержке финляндского правительства, но вскоре закрылся из-за недостатка средств. По велению Александра III санаторий был куплен и расширен на личные средства государя. К 1900 г. в нем находилось 118 больных туберкулезом, из которых 65 лечились бесплатно. Частный санаторий Н. Волковой для полных дам действовал в Уусикиркко [10, с. 82].

Численность русских отдыхающих на курортах Карельского перешейка с трудом поддается определению, так как их состав был слишком переменчив, некоторые приезжали на несколько дней, другие жили по несколько месяцев. К тому же статистические сведения первые годы вообще не собирались, лишь с 1892 г. ленсманы начали проводить сбор соответствующих данных. О численности русских дачников имеются лишь приблизительные предположения. Так, в 1880 г. в прессе сообщалось о том, что численность жителей дачных поселков в летний сезон доходила до 30 тысяч. Исследователь истории волости Кивеннапа П. Киуру оценивал численность дачного населения волости в 1906 г., исходя из сведений, предоставленных ленсманами, в 31 342 человека (25 285 в Терийоки и 6 057 – в Райвола) [6, с. 162]. Своего максимума число отдыхающих достигло накануне первой мировой войны. Только в

Терийоки в 1911 г., согласно полицейским данным, количество отдыхающих (предъявивших российские паспорта) составило 45 960 человек, в июле 1912 г. – 46 500 человек, а летом 1914 г. оно доходило до 75 000 человек (при том, что постоянное население Кивеннапа и соседней волости Уусикиркко составляло лишь около 35 000 человек), в целом же по Перешейку, по некоторым данным, число отдыхающих превышало 100 000 человек [5, s. 205, 216; 1. S. 187–188]. Оживлению дачной жизни на Перешейке заметно способствовало строительство форта Ино на побережье залива, которое началось в 1912 г. и продолжалось до 1916 г. Сюда приехали тысячи рабочих, много военных инженеров, чиновников, инспекторов, писарей, подрядчиков и поставщиков разных товаров. Они размещались на постоянное или временное жительство, увеличив во много раз население Карельского перешейка. Для подвозки стройматериалов была проложена новая одноколейная железная дорога Терийоки – Койвисто с ответвлением к форту Ино [10, с. 32].

Представляет интерес динамика количества железнодорожных билетов, приобретенных на Финляндском вокзале для поездки в дачные местности Карельского перешейка: в 1890 г. было продано 152 612 таких билетов, в 1895 – 164 719, в 1900 – 295 735, а в 1905 – 509 712 [5, s. 105]. Конечно, рост количества проданных билетов говорит не столько об увеличении численности более или менее постоянных жителей дачных поселков (хотя, косвенно, и об этом), сколько об интенсификации пассажирского движения по линии Петербург–Выборг, однако и сама эта тенденция весьма примечательна. Пассажирское движение между Россией и Финляндией продолжало расти и в последующие годы: по приблизительным подсчетам правления железной дороги, число пассажиров, выехавших в Финляндию и въехавших из Финляндии, в 1910 г. составило от 1 400 000 до 1 500 000 человек и в 1911 г. от 1 600 000 до 1 700 000 человек [11, л. 271 об.]. Развитие железнодорожного движения на участке Петербург – Терийоки вызвало необходимость строить здесь новые станции. С 1870 г., года завершения строительства железнодорожной линии, действовал лишь вокзал в поселке Терийоки. В конце 1880-х – начале 1890-х гг. две платформы были построены на территории деревни Куоккала; одна из них стала станцией в 1897 г., вторая – в 1906 г., получив названия соответственно «Куоккала» и

«Оллила». В 1901 г. появилась платформа у холма Келломяки, в районе которого тогда же начинал расти одноименный дачный поселок; в 1903 г. эта платформа также стала станцией. В 1917 г. по проекту известного архитектора Бруно Гранхольма было возведено большое каменное здание вокзала в Терийоки. В том же году перед самой административной границей с Россией была построена станция Раяйоки, здание вокзала которой также было построено по проекту Б. Гранхольма [12, с. 104, 107, 112].

Вполне естественно, что среди владельцев и съемщиков дач на Карельском перешейке преобладали жители Петербурга, однако исследования финских авторов показали, что стереотипное представление о том, что на Перешейке отдыхали исключительно или почти исключительно петербуржцы, не совсем верно. Так, по данным диссертационной работы Л. Пююкёнен, на которые ссылается исследователь истории русских дач на Перешейке В. Хямляйнен, из 1683 русских владельцев недвижимости в Терийоки 860 человек происходили из Петербурга, 102 – из других местностей Петербургской губернии, о происхождении 355 человек сведения отсутствуют, 366 же человек был родом из других российских губерний, в том числе даже из причерноморских и северокавказских [8, s. 120–121]. Л. Пююкёнен исследовала также социальное происхождение владельцев домов и дач. Среди них самую большую группу – 534 человек – составляли торговцы и промышленники; второе место занимали общественные деятели и лица свободных профессий, которых насчитывалось 340 человек, за ними следовали лица, занимавшиеся физическим трудом – их было 280 человек; только 211 владельцев дач имели дворянское происхождение [8, s. 121].

Среди лиц, приобретавших или снимавших дома и дачи на Перешейке, встречались и известные деятели науки и культуры. Более чем хорошо известно о доме И.Е. Репина «Пенаты» в Куоккала, который художник приобрел в 1906 г. Также в Куоккала имели свои дачи А.М. Горький (с 1904 г.) и К.И. Чуковский. Выдающийся художник В.А. Серов в 1901 г. приобрел дачу в деревне Инонкюля. Именно здесь он создал свои всемирно известные полотна: «Дети», «Купание лошади», «Люди на взморье», «Похищение Европы», «Одиссей и Навсикая» и многие другие. В этом же месте дачами владели военный министр России А.Н. Куропаткин и известный политический деятель и историк

П.Н. Милюков. Писателю Леониду Андрееву с 1908 г. принадлежал дом в Ваммелсуу, где он жил до своей смерти в 1919 г. Здесь же находилась дача лесопромышленника и биолога М. С. Воронина, возведенная в 1909 г. по проекту архитектора П.П. Брука. Это очень интересное в архитектурном отношении сооружение сохранялось вплоть до недавнего времени и сгорело в 1992 г. [10, с. 30, 56–57]. Среди владельцев дач и вилл на Перешейке заслуживают упоминания известный архитектор Г.В. Барановский, профессора В.М. Бехтерев, С.П. Боткин и А.И. Войеков, автор официальных трудов по истории Финляндии Ц.Ф. Ордин, энциклопедист Эфрон, ювелир К. Фаберже [9, с. 177; 1, S. 521]. Некоторые особо состоятельные хозяева дач и вилл не жалели средств на декоративное убранство своих летних резиденций, вокруг которых разбивались парки с фонтанами и скульптурами. Особой изысканностью, в частности, отличались вилла «Замок Арфа» в Келломяки, построенная по проекту Г.В. Барановского, дача Сахарова в Терийоки, усадьба «Каунисранта» в Тюрисевя, владельцем которой был действительный статский советник В. К. Орловский [12, с. 33].

Для периода 1900-х – начала 1910-х гг. было характерно также более пристальное внимание со стороны руководства Финляндской православной епархии к удовлетворению духовных потребностей временного русского населения Карельского перешейка. 18 июня 1906 г., при участии архиепископа Финляндского и Выборгского Сергия (Страгородского), была заложена церковь во имя Святого Духа в дачном посёлке Келломяки; новый храм строился на деньги, собранные местными дачниками. В ноябре 1909 г. по постановлению Синода при церкви во имя Святого Духа в Келломяки был открыт самостоятельный приход [13]. В октябре 1910 г. епархиальным начальством было дано разрешение на строительство храма в другом дачном посёлке – Оллила. Участок земли под строительство пожертвовал настоятель Преображенского собора в Петербурге протоиерей С. Голубев. Церковь была освящена летом 1911 г. и приписана к Казанской церкви в Терийоки [14; 15]. В районе станции Мустамяки дачевладельцы супруги Петровы в 1911 г. пожертвовали участок земли для постройки храма. Другие дачевладельцы и дачники на строительство будущей церкви собрали до 5000 рублей и разные предметы церковной утвари. Инженер Г.Г. Волков, проживавший на даче близ

Мустамяки, взялся безвозмездно составить план, смету и осуществлять технический надзор за строительством. В том же году епархиальным начальством было дано разрешение на строительство ещё двух дачных церквей – в Уусикиркко и в местности Чёрная речка, где дачевладельцы также сами жертвовали земельные участки. Храм в Уусикиркко был достроен и освящён в 1912 г., в том же году был закончен постройкой храм около Мустамяки, который был освящён в 1913 г. [15; 16; 17].

Развитие Карельского перешейка как курортной зоны имело существенное значение для экономики Великого княжества. Приток русских дачников приносил средства в финляндскую казну, давал возможность для заработка многим жителям Перешейка. Местные крестьяне сдавали помещения в наем приезжим, снабжали дачников хлебом, молочными продуктами, мясом, рыбой, грибами, ягодами и другими продуктами [18, s. 187]. Газета «Санкт-Петербургские ведомости» следующим образом изображала то, как изменилась жизнь коренных жителей поселка Терийоки благодаря дачному буму: «Постройка многими петербуржцами собственных дач дала возможность териокским крестьянам распродать свои лесные болота и свои прибрежные пески по ценам, которые им никогда и не снились. Сверх того, постройка и наем дач стали для них источником таких доходов, которые, по сравнению с такими же от рыболовства, вырубки леса, засева горсточки годной земли и т. д., являются королевскими» [19]. Для части местных жителей деятельность по обслуживанию отдыхающих из России и дачных поселков (или, говоря современным языком, занятость в индустрии туризма) стала основным промыслом, который приносил большие доходы, чем их традиционные занятия.

Отношения русских дачников с местными жителями и властями не всегда, однако, складывались безоблачно. Трения иногда возникало в силу незнакомства приезжих с местными традициями и обычаями, несоответствия традиционных привычек русских местному укладу жизни. В очерке «Православная Карелия» отмечалось: «Самый процесс укоренения в Финляндии был для русских владельцев довольно трудным и болезненным, как по незнанию ими местных порядков, так и по недоброжелательству к ним некоторой части местных обывателей и властей» [3, л. 42]. Определенные проблемы и известное недовольство

части финляндских общественных деятелей вызывала практика продажи в дачных местностях спиртных напитков, тогда как на остальной территории Великого княжества в силе был сухой закон. Сам по себе запрет ввоза спиртного из России в Финляндию, впрочем, оказывался бессмысленным. Как отмечалось в докладе начальника С.-Петербургского таможенного округа, «строго преследуемый на границе вывоз спирта совершается совершенно свободно пассажирами, т.к. останавливающиеся на 1-2 минуты пассажирские поезда никогда не досматриваются чиновниками за их недостатком и опять предоставляются единоличному усмотрению досмотрщиков. При таковой постановке воспрещение вывоза спирта в Финляндию является фикцией» [11, л. 274 об.] Отчасти на отношении финнов к русским дачникам (как, собственно, к русскому населению в Финляндии в целом) сказывалось раздражение против имперского центра, вызванное в начале XX в., в так называемый «период угнетения» ("sortokausi"), мероприятиями правительственной политики, направленными на ограничение финляндской автономии (начало которым было положено «февральским манифестом» 1899 г.).

Несмотря на все трудности, процесс приобретения недвижимости российскими подданными в Выборгской губернии в начале XX в. продолжался, соответствующие сделки совершались на сумму в среднем около миллиона марок в год [3, л. 43]. Это вызывало тревогу и беспокойство националистически настроенных финских кругов. В печати и в высказываниях некоторых общественных деятелей звучали протесты против продажи российским подданным земли, которая якобы таила в себе угрозу постепенного обрусения края. Выборгская газета «Карьяла», особенно активно выступавшая против приобретения земельных участков на Перешейке выходцами из России, указывала и на неблагоприятные социальные последствия этих процессов: немало местных крестьян быстро растрачивали деньги, вырученные от продажи своей земли, и разорялись. В одном из октябрьских за 1905 г. номеров газеты, в частности, была помещена редакционная статья под претенциозным названием «Финскость в опасности – идите на помощь!» ("Suomalaisuus vaarassa – tulkaa apuun!") [1, S. 529]. Негативное отношение к наплыву на Перешеек русских дачников выразила, в частности, в нескольких своих стихотворениях известная финско-шведская поэтесса Эдит Сёдергран, проживавшая в

Райвола [4, s. 36]. Поэт Эйно Лейно в своем стихотворении "Karjalan kannas" («Карельский перешеек»), написанном в августе 1911 г., писал о Карелии как о передовом европейском бастионе против русской угрозы [4, s. 26]. В 1911 г. в Выборге была издана брошюра М. Уотинена, одного из финских националистических активистов, проживавшего в Терийоки, под названием "Uhatut pitäjät" («Угрожаемые волости»). Ее автор, в частности, утверждал: «Чужие привычки и обычаи влияют на людей, проявляясь в одежде, манерах, языке и т. д. Народ не всегда способен разделить национальности, когда высший образованный класс является совершенно вненациональным» [6, s. 73].

Комитет по делам Карельского перешейка, образованный в Выборге в 1906 г., считал необходимым издать закон, который положил бы конец продолжавшейся практике продажи земель иностранцам (т.е. русским). Считалось возможным, впрочем, дозволить сдавать русским землю в аренду и строить дачные помещения для отдачи им в наем. Выдвигалось также предложение, чтобы общины скупали продающиеся земли на свой счет и затем передавали их в аренду финнам [3, л. 44]. В номере газеты «Карьяла» от 12 января (н. ст.) 1907 г., в статье за подписью «Ренк Вилле», перепечатанной «Финляндской газетой», отмечалось, что почти весь приход Кивеннапа заселен русскими. «Но колонизация на этом еще ничуть не остановилась: она твердыми шагами движется к западу по железнодорожной линии, и в настоящее время грозит захватом также и всей полосы до Уусикиркко. Весь район около станции Лоунатйоки обречен на отчуждение, и если не сегодня, то завтра мы увидим его в русских руках». В статье предлагалось средство борьбы против дальнейшего распространения русского землевладения на Перешейке: «Для осуществления же этого средства должно быть вменено в обязанность финскому народу стремиться к тому, чтобы были основываемы общества на акционерных началах для покупки земель, продаваемых в Карелии. Это самое может скоро создать твердую преграду русской колонизации». Автор заканчивал статью воззванием к финским капиталистам и патриотам энергично приняться за дело, говоря, что «лучше бросить капитал, нежели видеть, как русские вытесняют из Карелии финнов, благодаря чему последние из землевладельцев собственников превращаются в кучеров, разносчиков и простых русских»

[20]. Русская националистическая пресса не оставалась в долгу и развернула ответную кампанию, тон в которой задавала газета «Новое время», которая обращала внимание на враждебность и неблагодарность финнов по отношению к русским дачникам, приносящим немалый доход финляндской казне и частным лицам [21].

Наличие русских дачных поселков на Карельском перешейке было одним из обстоятельств, которое принималось во внимание при рассмотрении вопроса о присоединении части территории Выборгской губернии к коронным российским землям. Особое совещание по делам Великого княжества Финляндского, созванное в ноябре 1910 г. под председательством главы правительства П.А. Столыпина, приняло решение приступить к разработке законопроекта о присоединении волостей Кивинеб (Кивеннапа) и Новая Кирха (Уусикиркко) к Петербургской губернии. Основную роль в принятии такого решения играли военно-политические соображения, однако в качестве одного из мотивов выдвигалось также намерение устранить неудобства для местных русских дачников, «вынужденных в настоящее время иметь дело с таможенными учреждениями при переездах из империи и обратно» [22, л. 52].

Не последнюю роль в принятии этого решения сыграло то обстоятельство, что в дачной зоне Карельского перешейка, буквально под боком имперской столицы, вольготно чувствовали себя русские революционеры. Один из большевистских лидеров, Л.Б. Красин, жил в поселке Куоккала и заведовал денежными средствами, которые ему передавались от комитета помощи политическим беженцам. В 1908 г. Красин был арестован в связи с событиями на хуторе Хаапала недалеко от Куоккала (где весной 1907 г. была раскрыта лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ), однако за недостаточностью улик его пришлось освободить [23, s. 116]. На даче «Вилла Вааса» в Куоккала, владельцами которой были проживавшие в Петербурге финляндские подданные Эдвард и Рут Энгестрём, с августа 1906 до конца ноября 1907 г. проживал В.И. Ленин. Здесь также бывали Г.Е. Зиновьев, Л.Б. Каменев, С. Тер-Петросян (Камо) [6, s. 37–38]. Дачный поселок Терийоки был одной из важнейших опорных баз революционеров в Финляндии. Здесь с конца лета 1907 г. располагалась конспиративная дача ЦК РСДРП. В 1906–1907 гг. здесь же проводились конференции Петербургской организации партии. Поселок,

наряду с Выборгом, служил перевалочной базой оружия на пути его нелегальной транспортировки в Россию [24, с. 188–200, 204–206]. Железнодорожные станции и поселки Карельского перешейка служили перевалочными базами, местами временного хранения литературы. Оттуда нелегальные издания переправлялись в российскую столицу либо через Белоостров, либо через таможенный пост Кирьясало, который находился на территории имения, сын владелицы которого, Н. Е. Буренин, был участником подпольной революционной работы. Помимо литературы, на территории Финляндии хранились и затем переправлялись в Россию оружие и взрывчатые вещества; известны перевалочные базы оружия в Выборге и Терийоки. [24, с. 121–131].

В период первой русской революции 1905–1907 гг. Терийоки был известен как место проведения оппозиционных митингов, на которые приезжали многие петербуржцы. Один из таких митингов, состоявшийся в июне 1907 г., был описан в донесении МВД: «4 сего июня в общественном саду у станции Териоки по Финляндской железной дороге состоялся митинг, устроенный по инициативе членов "трудовой группы", представителей партий социалистов-революционеров, социал-демократов русских и финляндских и финляндской красной гвардии. После обоюдных приветствий толпа, выстроившись у вокзала и подняв красные флаги с разными революционными надписями на русском и финском языках, двинулась к общественному саду с пением "Марсельезы", "Варшавянки" и других революционных песен, а проходя мимо финского рабочего дома, остановилась на несколько минут и спела "Интернационал". <...> Все речи отличались крайне революционным содержанием, и почти каждый из ораторов заканчивал свою речь призывом к активной борьбе с правительством, после чего присутствующие аплодировали и кричали: "да здравствует вооруженное восстание"» [25, л. 29 – 29 об.].

Межведомственная комиссия, составленная из представителей нескольких министерств, под председательством сенатора С. Е. Крыжановского, разработала законопроект о передаче волостей Кивинеб и Новая Кирха в состав Петербургской губернии к концу 1913 г. В Финляндии законопроект вызвал однозначно отрицательную реакцию. Протестные настроения отразились и на отношении части местного населения к русским дачникам, которое стало меняться не в лучшую

сторону [8, s. 124]. При этом реакция некоторых российских подданных, владевших недвижимостью на территориях, которые подлежали передаче в состав России, на известия о грядущем переносе границы была несколько неожиданной: по сообщениям финских газет, они заявляли, что в этом случае они продадут свою собственность и будут искать возможность для новых приобретений в глубине финской территории, в случае необходимости вплоть до берегов озера Сайма [5, s. 205]. Финляндский сенат обратился к императору с ходатайством, в котором высказывалась точка зрения, что отделение указанных волостей от Финляндии нецелесообразно, тем более что и сами русские дачники не поддерживают эту идею [1, S. 534]. Начало мировой войны не позволило приступить к практическому осуществлению выработанного законопроекта.

С началом войны прибрежные финляндские области, в том числе дачный район Карельского перешейка, были объявлены на военном положении. Это обстоятельство, а также обострение политической ситуации в самой Финляндии, вызвали отток отдыхающих с Перешейка и рост интереса к окрестностям Петрограда как к местам для летнего отдыха. Строительство в пригородах Петербурга активизировалось, впрочем, еще в предвоенные годы: уже в 1912–1913 гг. в районе между Петербургом и Белоостровом отмечалось усиление спроса на бревна, доски, оконные рамы, двери и т. п. [11, л. 271 об.] Некоторые дачники, однако, не спешили покидать насиженные места и в продолжение войны оставались на территории Великого княжества, так как в Петрограде и в России в целом уже начинались перебои со снабжением продовольствием, в Финляндии же это пока не так ощущалось. Еще в мае 1916 г. полицейские органы сообщали, что число отдыхающих в Терийоки «чрезвычайно велико». [5, s. 210]. В эти годы в дачных районах Перешейка наблюдалось заметное развитие контрабанды, которая была застарелой проблемой российско-финляндского приграничья, причем в этот раз поток контрабандных товаров направлялся в основном в сторону России. Со временем экономические трудности, вызванные войной, стали ощущаться и в Финляндии. Русские дачники, пока еще располагавшие средствами, активно скупали продовольственные товары, что вело к их значительному удорожанию и явилось новым поводом для недовольства со стороны местных жителей [5, s. 211]. Революционные события весны и осени 1917 г. в России отнюдь не заставили всех владельцев

вилл и дач, находившихся в Финляндии, поспешить с отъездом на родину. Напротив, часть из них предпочитала наблюдать за развитием событий из Финляндии, надеясь переждать политические потрясения в России в оставшемся пока еще сравнительно спокойным финляндском приграничье. Некоторые русские дачники оставались на территории Финляндии и в декабре 1917 г., когда свершившимся фактом стало провозглашение финляндской независимости.

С 1918 г. власти независимой Финляндии стали принимать меры к тому, чтобы прибрать к рукам недвижимую собственность российских подданных на Карельском перешейке. 21 марта 1918 г., когда гражданская война в стране еще не закончилась, сенат уже обратил внимание на русские дачи на Перешейке и учредил комитет для рассмотрения вопроса о принудительном отчуждении недвижимости, принадлежавшей российским подданным, в пользу Финляндского государства. Осенью того же года был образован Комитет общин Карельского перешейка, члены которого считали своей главной задачей ликвидацию «чужого поселения на Карельском перешейке». Указом правительства от 22 октября 1918 г. были отменены постановления 1891 и 1893 гг., предоставлявшие российским подданным право свободного приобретения недвижимости в Финляндии и владения ею. Наконец, 24 октября 1919 г. в парламенте, после некоторых дебатов, был одобрен закон, согласно которому иностранным гражданам и организациям запрещалось приобретать недвижимость на территории Выборгской губернии без особого согласования с Финляндским государством [5, s. 210]. Все эти меры вели к постепенному исчезновению русских дачных поселений на Перешейке. К тому же многие владельцы дач, испытывая материальные лишения, вынуждены были сами продавать свою собственность и в поисках средств к существованию перебираться в другие районы страны или вообще уезжать из Финляндии. «Дачный вопрос» затрагивался даже на межгосударственном уровне: в протоколе одного из заседаний советской и финской делегаций на мирных переговорах в Тарту летом 1920 г. было записано, что «Советская Россия не имеет каких-либо претензий относительно находящейся в Финляндии собственности российских граждан» [1, S. 535]. Отдельные пустовавшие дачи в течение некоторого времени находились в пользовании школ и учебных групп, в которых обучались дети эмигрантов и беженцев из России, или

использовались как жилые помещения учителями этих школ. Однако к середине 1930-х гг. почти все русские школы на Перешейке прекратили свое существование. К концу 1936 г. в распоряжении комитета управления находились 4786 участков, из которых 2973 уже перешли в собственность государства [1, S. 537]. К концу 1930-х гг. проблему российской собственности в Финляндии можно было считать несуществующей. Точка была поставлена осенью и зимой 1939 г., накануне и во время советско-финляндской («зимней») войны, когда из приграничных местностей Карельского перешейка вглубь Финляндии было эвакуировано почти всё местное население, в том числе остававшееся русское.

Возрождение Карельского перешейка как дачной и курортной зоны для жителей России началось уже со второй половины XX в., после того как эта территория была уступлена Финляндией Советскому Союзу.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. **Hämäläinen V.** Die russische Sommerhausbesiedlung auf der Karelschen Landenge am Ende des 19. und zu Beginn des 20. Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Band 34. 1986. Heft 4.
2. Pietarin Lehti, 1874, 7. syyskuuta.
3. РГИА. Ф. 1276. Оп. 18. Д. 499.
4. **Bodin P.-A.** Karelska Näset som mötesplats för nordiskt och ryskt // Sverige och Petersburg. Vitterhetsakademiens symposium 27-28 april 1987. Stockholm, 1989.
5. **Hämäläinen V.** Karjalan kannaksen venäläinen kesäasutus ja sen vaikutus Suomen ja Venäjän suhteiden kehitykseen autonomian ajan lopulla. Tampere, 1974.
6. **Kiuru P.** Kivennapa. Muistelmia ja kuvia entisestä kotiseudusta. Pieksamäki, 1961.
7. Финляндская Газета, 1909, 12 (25) мая.
8. **Hämäläinen V.** Vanhan Suomen venäläiset huvilaasukkaat // Venäläiset Suomessa 1809–1917. Historiallinen Arkisto. 83. Helsinki, 1984.
9. **Балашов Е. А.** Русское население на Карельском перешейке (XVIII – первая половина XX в.) // Санкт-Петербург и страны Северной Европы. Мат-лы ежегодной науч. конф. СПб., 2002.
10. **Григорьева Н. А.** Путешествие в русскую Финляндию. Очерки истории и культуры. СПб., 2002.
11. РГИА. Ф. 146. Оп. 1. Д. 133.
12. **Балашов Е.А.** Карельский перешеек. Земля неизведанная. Вып. 1. СПб., 1996.
13. Финляндская Газета, 1909, 21 ноября (4 декабря)
14. Финляндская Газета, 1910, 18 ноября (1 декабря).
15. Финляндская Газета, 1912, 22 января (4 февраля).
16. Финляндская Газета, 1911, 18 (31) октября.

17. Финляндская Газета, 1913, 8 (21) января.
18. **Katajala K.** Rautatie suuntaa Itä-Suomen alueiden tuotantoa // Itä-Suomi ja Pietari. Kirjoituksia toimeentulosta suurkaupungin vaikutuspiirissä. Joensuu, 1997.
19. Санкт-Петербургские Ведомости, 1908, 2 июля.
20. Финляндская Газета, 1907, 4 (17) января.
21. Новое Время, 1907, 18 июня.
22. РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 921.
23. **Kirby D.** Suomi ja Venäjän vallankumouksellinen liike // Historiallinen aikakauskirja. 1970. № 2.
24. **Усыскин Г. С.** Из революционной истории Карельского перешейка 1820–1920. Л., 1987.
25. РГИА. Ф. 1328. Оп. 2. Д. 16.

MUSAEV Vadim I. – Peter the Great Saint-Petersburg Politechnic University. 195251, Polytechnicheskaya str., 29, St. Petersburg, Russia. e-mail: vmusaev62@mail.ru.

RUSSIAN COUNTRY LIFE IN THE KARELIAN ISTHMUS IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURY AND THE FINNISH PUBLIC OPINION.

The article deals with the history of development of the Karelian Isthmus, which was a part of the autonomous Great Duchy of Finland, as an area of country and resort recreation for the residents of St. Petersburg and other parts of the Russian Empire. Considerable revenues to the Finnish treasury and to the local residents were brought by purchase and rent of estates and houses by the Russian subjects and by maintenance of the vacationists. On the other hand, influx of the Russians caused discontent of some strata of the local society who spoke out against growth of Russian cultural influence in Finland.

RUSSIA; FINLAND; KARELIAN ISTHMUS; FINNISH AUTONOMY; COUNTRY LIFE; PUBLIC OPINION.
